

Историко-эортологический анализ установления праздника Преображения Христова

Статья посвящена вопросу установления календарной датировки праздника Преображения Господня в отечественной историографии, а также мотивам, которыми руководствовалась Христианская Церковь, устанавливая свои праздники в дни языческих торжеств. Помимо объяснения расхождений между исторической и календарной богослужебной датировкой праздника Преображения Господня, в статье говорится и о назидательном смысле данного праздника.

Ключевые слова: Праздник Преображения Господня, евангельские события, языческие торжества, духовный смысл жизни.

Как Преображение является центральным событием в жизни Иисуса Христа, так и для нас, православных христиан, Преображение является основополагающим жизненным моментом. Поэтому, совершенно очевидно, что оно не может ограничиваться лишь моральными и эмоциональными оценками и непременно должно быть изучаемо в рамках православного богословия. Основанием к этому служат и некоторые спорные вопросы, связанные с установлением праздника Преображения, в частности, вопрос датировки и места события.

Для всех православных христиан Преображение Господне, безусловно, было и есть явление славы Божией, открывшее в лице нашего Спасителя возлюбленного Сына Божия. Но вопрос датировки праздника, установленной 6 августа (по ст. ст.), остается до сих пор обсуждаемым в дискурсе исторической литургики и эортологии в частности. Даже несмотря на то, что праздник Преображения не западного происхождения, но, по словам профессора В. В. Болотова, и западные компутисты пытались установить хронологическую датировку этого праздника. Так, например, у бенедиктинца Вандальберта († 870) во флорентийском календаре начала XII столетия и у Херрада († 1195) – 6 августа, в трирском календаре конца IX в. и у Ламберта начала XII в. – 27 июля. В поздней прибавке к Адону праздник Преображения отмечен и под 6 августа и под 27 июля[1, с. 616].

В тропологиях сиропинийских IX и X столетий Преображение Господне стоит по 6 месяцем «аб» (соответствует второй половине нашего июля и первой – августа); но в богослужебных книгах месопотамского типа этот праздник лишь с XII в. появляется под названием «праздника кущей» и невидно, 6-го ли августа он совершался. Иерусалимская церковь, замечает проф. Болотов, по крайней мере, в 518 г. 6 августа Преображение еще не праздновала. А в Палестине в VIII в. праздник этот уже существовал, о чем свидетельствуют каноны на Преображение Иоанна Дамаскина и Космы Маиумского[1, с. 617].

Некоторые церковные писатели, например, Евсевий Кесарийский, Иоанн Дамаскин полагают, что Преображение было незадолго до пречистых страстей Господа, именно за сорок дней. И Евсевий Кесарийский, и Иоанн Дамаскин осно-

вываются в своих утверждениях на некоторых свидетельствах евангелистов (Мф. 16:21). Ввиду страстей Господних, могущих соблазнить еще не окрепших в вере учеников, Господь открыл перед ними, кто Он и чей Он, чтобы они уразумели добровольное Его страдание, увидев Его распнутым на кресте. Вывод очевиден: Преображение Господне было в феврале, а не в августе, как празднуется сейчас. Справедливо возникает вопрос: почему Церковь перенесла его с февраля на август? Причину этого несоответствия выдающийся богослов XIX века протоиерей Григорий Дьяченко видит в следующем. Без перенесения на другой месяц это торжественный праздник приходился бы всегда на дни святой Четырнадцатницы, что было бы несовместимо с великопостным служением и печальным временем Четырнадцатницы, тогда как праздник Преображения предзнаменует собой будущий век.

О том, что Господь преобразился не в августе, говорит и профессор В. В. Болотов. Данное утверждение он аргументирует следующим образом. Из Евангелия видно, что Христос преобразился спустя 6-8 дней после того, как в селениях Кесарии Филипповой открыл «ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и пострадать»; что после преобразования Он повторил данное предсказание; что в Капернауме апостол Петр имел разговор с «собирающими дидрахм»; что, по выходе из Галилеи, не принятый в селении самарянском, Господь отправился в Иудею через Перею. Все это, утверждает профессор Болотов, указывает на время пред Пасхой. Объяснение апостола Петра с «собирающими дидрахм» произошло не ранее 15 адара (по мнению Георгия Синкелла, длится с 20 февраля по 24 марта) [3, с. 771], то есть не более как за один месяц до Пасхи [1, с. 617-618].

Исходя из выводов протоиерея Григория Дьяченко, основанных на евангельских событиях и мнениях некоторых святых отцов Церкви, можно утверждать, что Преображение Господне происходило в феврале. Но Церковь перенесла эту дату на август, так как без перенесения этот торжественный праздник приходился бы всегда на дни Четырнадцатницы, а это было бы несовместимо с великопостным служением.

Продолжая тему спорных вопросов, связанных с установлением праздника Преображения, обратимся к обстоятельному и аргументированному предположению профессора В. В. Болотова о том, что праздник Преображения Господня был установлен в день языческого праздника. Где и с какой целью состоялось установление этого праздника именно в день языческого празднества?

Язычество, с которым ведет борьбу христианская церковь, есть не только религия, как справедливо отмечает профессор Болотов, но и сложившийся известным образом быт [1, с. 621]. Доказать язычнику несостоятельность его представлений о богах и убедить его верить в единого христианского Бога значило сделать многое, но еще не все. Порвать свои житейские отношения с соседями-язычниками новообращенный не имел возможности. Нужно было охранять его от рецидива, и праздники как раз занимали едва ли не главное место между теми «оружиями», которыми отвергнутое язычество могло вести партизанскую войну с побеждающим его христианством. «Общие радости» языческих празднеств то разжигали низкие страсти, не угасшие еще в душах уверовавших в Христа Спасителя, то будили в них человечно светлые воспоминания, вызывали картины того, что было в их прошлом отраднее. Есть праздники в христианстве, есть праздники в язычестве. Большая разница между шумными одуряющими

оргиями и между мирным пиршеством по окончании жатвы, когда человек – в меру своего языческого понимания – хотел лишь возблагодарить Бога за ниспосланные дары природы и испросить у Него обильного урожая на будущий год [1, с. 621].

Учреждая в дни языческих празднеств свои праздники, церковь выбивала из рук политеизма одно из последних средств обороны. Установить христианский праздник в день языческого праздника, по мнению Болотова, означало созвать христиан в церковь и поставить их под влияние таких воспоминаний, что для многих и многих становилось потом психологически невозможно участвовать в «festiconventusciiviumetcommunislaetitia» (праздник встречи граждан и общей радости). Кто утром слышал о том, как среди шумного пира приказано было усеknовить голову большего в рожденных женами, у того язычески новогоднее настроение было уже на весь день испорчено. Но когда этим путем церковь атрофировала безнравственные излишества в праздновании, она сама память усеknовения главы Иоанна Предтечи заменила светлым празднованием собора Предтечи или же его зачатия и сама стала возносить молитву, чтобы Господь венчал лето Своей благости [1, с. 622]. По мнению архимандрита Киприана (Керна), подобным принципом замены какого-либо языческого праздника воспоминанием о христианских событиях Церковь и руководствовалась очень широко. Поэтому большое количество церковных праздничных дат могут быть этим объяснены, утверждает архимандрит Киприан [2, с. 144].

Проанализировав историю ряда христианских праздников, профессор В. В. Болотов выяснил логику праздничных датировок. Так, в установлении календарных дат своих торжеств, Христианская Церковь часто руководствовалась не научными, а «педагогическими» (миссионерскими) соображениями. Нарочито совмещая свои праздники с днями популярных языческих торжеств, Церковь хотела постепенно вытеснить их из народного обихода или, по крайней мере, «христианизировать», наполнив другим содержанием. Этим объясняются расхождения между историческими (в том случае, если их можно установить) и календарными богослужебными датировками, что произошло и с праздником Преображения.

И если существуют спорные вопросы в установлении празднования Преображения Господня, то назидательный смысл этого события совершенно очевиден и заключен в обращении к каждому христианину: можем ли мы, имея ту же человеческую природу, что и апостолы, стать участниками Преображения, прикоснуться к жизни будущего века, воспринять Фаворский Свет? В этом стремлении к озарению нетварным Светом и состоит духовный смысл нашей жизни.

Литература

1. Болотов, В. В. Михайлов день. Почему собор Святого архистратига Михаила совершается 8 ноября? Эортологический этюд// Христианское чтение. – 1892. – № 11-12.
2. Киприан (Керн), архим. Литургия. Гимнография и эортология/ архим. Киприан (Керн). – Москва: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2000.
3. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том I./И. И. Срезневский. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1893.

Archpriest Ilia Korostelev

Historical and feast studies analysis of the establishment of the Feast of the Transfiguration

The article is devoted to the question of establishing the calendar date of the feast of the Transfiguration in the national historiography, as well as the motives that the Christian Church guided, establishing its feasts in the days of pagan celebrations. In addition to explaining the differences between the historical and calendar dates of the feast of the Transfiguration, the article refers to the edifying meaning of this feast.

Keywords: Feast of the Transfiguration, Evangelical events, pagan celebrations, spiritual meaning of life.

References

1. Bolotov V. V. Mihajlov den'. Pochemu sobor Svyatogo arhistratiga Mihaila sovershaetsya 8 noyabrya? Ehortologicheskij ehtyud [Mikhailov day. Why the Cathedral of St. Michael the Archangel takes place on November 8? Feast studies etude] // Hristianskoe chtenie [Christian reading]. – 1892. – No. 11-12.
2. Cyprian (Kern), archimandrite. Liturgika. Gimnografiya i ehortologiya [Liturgics. Hymnography and erotology]. Moscow, 2000.
3. Sreznevsky I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments. Vol. I]. St Petersburg, 1893.